

Дебют

Валерий ТОДОРОВСКИЙ:

Рецензия - 1991, - 4-10 марта (№10), - с. 15

«Я хотел сделать красивую картину»

До сих пор зритель знал старшего Тодоровского, Петра — режиссера, снявшего «Интердевочку». И вот теперь предстоит познакомиться еще с одним — Тодоровским Валерием. Наш кинематограф (ту же «Интердевочку») часто критикуют — всем приелся его мрачный реализм и чрезмерная социологизация. По контрасту с ним особенно выделяется первый фильм Валерия «Катафалк». И хотя в нем тоже попытались в первую очередь увидеть «разложение советской аристократии» — кто смотрел интервью с В. Тодоровским в «Пятом колесе», помнят это, — однако на сей раз искусство взяло верх над злободневностью. Вот почему «Катафалк» сразу заметили — и на фестивале «Дебют», и в Мангейме, где он получил приз «Золотой дукат». Права на фильм принадлежат центру досуга «Подмосковье», который будет прокатывать картину по стране.

А как оценивает свой дебют сам Валерий Тодоровский? Каким представляется ему современный кинематограф?

— Валерий, вы сняли как бы не совсем советский фильм: в нем нет ни мрачности, присущей нашему «сложному» кино, ни типичного советского быта. Вообще, мне показалось, что вы хотели снять какую-то универсальную жизнь, в которой черты советской действительности лишь едва угадывались бы.

— Первопричина в том, что за основу взят американский рассказ. Фланнери О'Коннер очень сильная писательница, и, конечно, это повлияло на фильм. Например, мне часто говорят, что шляпа главного героя — это американизм, и мотив дороги тоже американский. Но разве это главное? Да и шляпы в то время носили одинаковые, что там, что здесь. Мне было важно показать людей, а когда увлечешься человеком, то уже не остается места ни на что другое. Той же цели я попытался заставить служить и обстановку. Поэтому герои у меня погружены в атмосферу своих желаний, страстей, а не в реалии советского быта.

Наоборот, большинство наших картин пытаются показать человека через условия, в которых он живет. Картины, снятые в жанре «чернухи», могут восхищать меня своей правдой, дотошностью, с которой передана эта жизнь, но на меня производит отталкивающее впечатление вся эта грязь, жестокость, и, главное, я совсем не сострадаю их героям. Они для меня как бы не живые.

— Сейчас много говорят о кризисе нашего кинематографа, постоянно слышишь, что кино зашло в тупик, да и видишь, к сожалению, то же. Где, по-вашему, выход из этого тупика?

— Ну, сам я еще не успел попасть в тупик, просто не снял еще достаточно картин, чтобы в нем оказаться. Вообще же, по моему, существуют два пути, по которым идет мировое кино. Первый — это академизм, на который делает ставку Голливуд. Снимая традиционное кино, они достигли совершенства в том, чтобы увлекательно и зрелищно рассказать любую историю. И они по капле воспитали своего зрителя, показывая ему коммерческое кино, но коммерческое кино высокого класса — Копполы, Глилберга. А у нас? Недавно я разговаривал с человеком, который содержит видеосалон, и он сказал мне, что тот же «Крестный отец» не держал ни одного сеанса среди подростков. Беда в том, что из всего мирового коммерческого кино у нас смотрят самое примитивное.

— А второй путь?

— Второй — нетрадиционный. Здесь можно экспериментировать, оригинальничать, снимать остроумные комедии, мюзиклы, может быть, пародии. И не бояться показаться слишком глупым, слишком веселым, избавиться от комплекса серьезной нации. Но это и путь самоиронии, когда люди научатся смеяться над собой, а не только скорбеть и рвать на себе рубашку.

— К какому же направлению вы относите себя?

— Пока к первому. Делать традиционное кино все таки легче, а брать за что-то более сложное я еще боюсь.

— На ваш взгляд, почему у нас так мало хороших фильмов, и в том, и в другом роде, что мешает им появляться?

— Кино, как и любое искусство, определяется количеством талантливых людей. Они есть, но они не раскрыты. Теперь можно снимать все, что хочешь, но самое трудное — это раскрепоститься и быть собой. Мы — «зжатое поколение». Давит эта жизнь, давят детские впечатления. Мое первое воспоминание, например: я в детском саду, марширую с саблей и пою «Конницу Буденного». Ну, как быть свободным с такими воспоминаниями? И многие растерялись. Иной раз видишь, что человек — прирожденный комедиограф, а снимает драмы — потому что это сложно, это длинно, это умно. Есть талантливые люди, но они самовыражаются в том, что рассказывают нам ту правду, которую мы и без них знаем. Зато это честно, это не стыдно.

— Валерий, если снова вернуться к вашему фильму — какую правду хотели вы поведать зрителю?

— Если в среднерусской деревне по колено в дерьме сын зарубит отца топором, я не удивлюсь. А в этом фильме — пальмы, рай. Все прекрасно — а счастья все равно нет. Вот такая эстетика мне ближе, чем эстетика реализма.

— Вы пытаетесь эстетизировать жизнь?

— Я хотел просто сделать красивую картину. Мне не хватает красоты. «Ретро» дает такую возможность.

Но где красота в нашей жизни? По моему, это есть в фильме «Такси-блюз», не правда быта, нет, а красота. Например, поцелуй с проституткой через решетку. А вот очередь за водкой — это правда, но... чего-то не хватает. Вообще, я думаю, успех ждет того, кто сможет освободиться от традиционных российских комплексов и посмотрит на мир глазами внутренне свободного человека.

Олег ГОРЯЧЕВ.